И кто возразит, что в прошлое заглянуть труднее, чем в будущее? В будущем одно: Страшный суд, а в прошлом всё то, что его готовило. Жил я среди грешных людей, сам грешил да ещё и себя оправдывал: все такие, даже хуже. Но уже одна эта мысль говорит, что грешнее всех был я. Адам, сваливающий вину на Еву, был грешнее Евы. Все теперешние мои вечера соединились в

один вечер: вечер моей жизни. Давай, брат, попробуем, пока есть силёнки, отвязаться от того, что вспоминается внезапно или помнится постоянно, то есть уже мешает. Пора свой дом подметать. А сколько прожито, сколько пережито! Как пелось в моряцкой песне: «Эх, сколько видано, эх, перевидано, после плаванья в тихой гавани вспомнить будет о чём». Но не получилось в старости тихой гавани. Да и перевиданное пригодится ли кому? Это же только мечтается, что чужое знание пригодится в «быстротекущей жизни». Каждый набива-

ОТЕЦ В КОНЦЕ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

ет свои шишки.

Отец мой настолько переживал за всё происходящее в России, что даже не мог уже ни читать газет, ни смотреть телевизор, ни выходить на улицу. Везде, во всём он видел знаки падения страны и её насильственного разрушения. В газетах хвалят именно то, что убивает Россию, по

дешь на улицу, эта гибель уже здесь: девчонки идут в штанах, курят, парни матерятся, на ходу хлебают из бутылок.

Обычно отец сидел у окна на кухне и молча

телевизору показывают, как это делается. Вый-

курил.

тяжку. А когда я закурил? В войну, от голода, –

смотрит, как дымок утекает в форточку, провожа-

- Пап, ты сам-то куришь много.
- Так сколько мне, сколько им? Да я и не вза-
- ет его взглядом, тушит сигарету, встаёт: Волокут Россию к эшафоту, ещё только петлю накинуть. В войну было легче.
 - А чем было легче?
 - Сволочей и подлецов не было.
 - Я уверен, что были.
- Были не были, а обязаны были поступать как все. Эх, матушка Россия! Коротко нас запрягли, крепко зауздали. Тронули шпорой под бока.

Но вот тут-то мы и не поехали! Опять закуривает. Успокаивается.

- Тут главное ремень затянуть. А это мы можем.
 - То есть не смогут нас захомутать?

Отец загадочно отвечал:

– Да где-то близко к этому.

ТЫ РУССКИЙ? ЗНАЧИТ, ТЕБЕ ТЯЖЕЛЕЕ ВСЕХ Русских, сильных, умных, самостоятельных

не любят. Все же хотят быть сильными и умными. А не получается, как у русских. За что ж русским даны сила и ум? Оттого на них и клевещут, и злобствуют: русские и такие, русские и сякие. И какая ещё нация, кроме русской, выдержала бы многовековое глумление над собой? То ли мы привыкли, то ли считаем, что так надо, и за издевательства не мстим. Это уж когда явно начинали приставать и вторгаться в русские пределы

цивилизованные дикари Европы и Азии, тогда приходилось им давать по морде для образумления. И тут же их и жалеть. Кто ещё такой в ми-

ре, как русские? Жалеть врагов? Да, жалеем. Но дожалелись до того, что уже ненависть к России

поселилась в ней самой. Россию ненавидят те,

кому она дала приют, образование, работу. Всег-

да русским было труднее, чем инородцам, про-

биться в жизни. Попробуй еврея в вуз не при-

нять. И не пробуй, и без тебя примут. А русского

оттолкнут и дальше пойдут. Это отпихивание я

испытывал многократно. Но как русский не оби-

жаюсь совершенно. Те, кто отпихивал, где они? Всегда ощущал я в своей судьбе некую руководящую силу. Даже и называл её строчками из стиха Бунина «Некий норд моей судьбою правит, он меня в скитаньях не оставит, он мне скажет, если что: «Не то». Этот «некий норд», воцерковившись, я стал именовать Господом. Идеологи стеклянного телепространства внедряют в умы глотателей телепищи образ России совсем не русский. Смелые, честные, жертвенные русские люди изображаются трусами, ворами, стукачами. Особенно усердствуют киношники. Особенно это раскручивается в показе советского периода. Я его свидетель, я вырастал в советское время, созидался в нём как личность, и меня глубоко оскорбляет тявканье ли-

беральных писак и либеральных радио и теле-

трепачей. Страдание моё в том, что ими воспи-

таны такие потребители журнальной, газетной,

радио- и телепищи, что читатели и зрители, как

наркоманы, уже не могут без неё, непрерывно

её глотают, кой-как переваривают и испражняют-

Измаил брали, конечно, нерусские. Шестая рота

псковских десантников могла уклониться от боя с

бандитами, которых было многократно больше?

Русские – трусы? Ну, ребята. Неприступный

ся её остатками на историю Отечества.

Русские - воры? Да где вы, в России ли вы живёте? Кто вас обирает, обкрадывает, кто придумал воровство приватизации? Лично я вырастал среди селений, избы которых не знали замков. Войдёшь – хозяев нет, напьёшься воды и идёшь дальше. Стукачи? Нет, во все времена внедрялись в русскую жизнь чужаки. Слухачи, доносчики сочи-

няли нужные властям сведения на того, на кого указывали. Почему же Ленин и Троцкий после захвата России торопливо заставляют еврейских комиссаров и вообще евреев брать русские фамилии, почему же убийственные декреты об уничтожении священства и русской интеллигенции подписывает русский выкрест Калинин? Увы, не всегда у нас в первых лицах России

были Александры Невские. Но не хочу и против

любых властей ничего говорить. Чтоб было по-

нятнее, спрошу, нужна ли власть? Да, нужна. Пусть плохая, но она лучше анархии. Но чтобы трястись перед ней как осинке? Ни за что. Лишаете меня должностей, привилегий. Плевать! Отлично помню, не выдумал же я, переделку многих официальных лозунгов и идеологических штампов. Сталин сказал: «Жить стало лучше, жить стало веселее», тут же мгновенно пошла в разговоры переделка: «Жить стало лучше, жить стало веселее, шея стала тоньше, но зато длиннее». Конечно, не орали на площади, но в общении меж собой такие шутки были повсеместны. Или этот масонский лозунг, мечтание большевиков о мировом пожаре: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», и все знали его продолжение: «...ешьте хлеба по сту грамм, не стесняйтесь!». А уж про серп и молот шутки были похлеще. «Это молот, это серп, это наш советский герб, хочешь - жни, а хочешь - куй, всё равно...». Ничего не получишь. Или элегическое: «Ну зачем, скажи мне, Петя, если так жи-

вёт народ, по долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд?». А частушки? Боже ж ты мой! В какие же, по мнению либералов, глухие времена культа личности слыхивал я и певал лихие куплеты, например: «Ленин Троцкому сказал: «Пойдём, милый, на базар, купим лошадь карию, накормим пролетарию». Или: «На бочонке я сижу, под бочонком – кожа. Сталин Троцкому сказал: «Ты жидовска рожа». Кожа тут, конечно, только для рифмы. Или предсказание: «Эх, калина, эх, малина, убили Кирова, убьют и Сталина».

В открытую анекдоты о властях начались... да, со Сталина. И частушка была, которую, думаю, вождь знал: «Сидит Гитлер на берёзе, а берёза гнётся. Посмотри, товарищ Сталин, как он навернётся». Это из серии: «Сидит Гитлер на берёзе...», дальше, например: «...плетёт лапти языком, чтобы вшивая команда не ходила босиком». А уж про Никиту анекдоты травили по всем райкомам и обкомам. Он их и сам любил. К нему часто ходил первый председатель Союза писателей России Леонид Соболев, он перед визитом требовал у подчинённых вооружить его анекдотами: «К Никите иду, с порога спросит». Брежнев умирал под анекдоты о своём маразме. Крупская спрашивает: «Леонид Ильич, вы помните моего мужа?» - «Товарища Крупского? Ну как же, как же». А уже сменяющиеся часто Андропов, Черненко и анекдотов не заслужили. Нет, вспомнил один про Андропова. Ему докладывают: «Мы создаём камерный оркестр». – «На

Соотношение личности и истории надо выверять применительно к духу народа. Недавно на Северном Кавказе один горец говорил мне: «Люблю тебя, другому не скажу. Вы —

русские всегда не умеете жить и всегда вами ко-

мандуют. То варяги, то монголы, то немцы, то

сколько камер?» А Ельцина и Горбачёва и без

анекдотов за правителей не считали.

большевики, то коммунисты, сейчас евреи. А вы хороший народ, мы вас выручим, будет большой, во всю Россию, халифат».

Да уж, только халифата нам нехватало. Но кавказец точно заметил: мы не то чтоб не умеем, но не любим командовать. Даже начиная со школы. Сидишь на классном собрании и под парту лезешь, чтобы никаким звеньевым не выбрали.

ровы находятся, и Ушаковы, и Нахимовы, и Денисы Давыдовы.

«ОСТАВИЛИ В РЯДАХ»

Упоминание о комнате парткома в Доме ли-

Но что сие означает? Когда надо – у нас и Суво-

тераторов вызвало в памяти два его заседания, два персональных дела двух коммунистов: Солоухина и Окуджавы. В их членстве я совершенно не усматриваю никакого криминала, и Шолохов был в рядах, и я тут же присоседюсь. Представлять же, что членам КПСС было легче жить, — это заблуждение. Я не только был членом, но и всегда, по причине своей пассионарности, ходил в начальниках, то есть избирался в секретари, в бюро, в парткомы. Хотя и не рвал-

чать» и поиск справедливости в открытой борьбе меня подводили. Приходил в новый коллектив, сидел тихонько на собраниях, читал нужную книгу или рукопись, слушал краем уха, а в какойто момент не выдерживал и просил слова. И что? И вскоре избирался. А какие, кстати, были привилегии у нас? Ходить на субботники? Дежурить в народной дружине? Взносы платить? Ездить в самые трудные командировки? А уж что касается общественной писательской жизни, это было такое сжигание нервов, такая трата времени! А сколько врагов наживалось? Никто, например, не хочет читать скандальную рукопись, на неё уже было пять отзывов, два хороших, два плохих, а пятый – и за и против. Но есть подозрение, что хорошие отзывы писали дружки-приятели автора, а плохие - его завистники, так заявляет автор. Дают рукопись мне, клянутся, что всё будет анонимно. Но, конечно же, авторы всегда узнавали, кто о них и как отзывается. И таких случаев было много. Я всегда писал отзывы без оглядки, писал то, что думаю. Чаще всего приходилось, что называется, резать. И что, «зарезанные» меня начинали любить? Но вернёмся к тому заседанию.

ся, и не высовывался, но вот это «не могу мол-

В названии рассказа использованы широко известные слова Владимира Солоухина после обсуждения его дела на парткоме. Его разбира-

ню, Профера.
Владимир Алексеевич и не думал виниться.
– Рассказ Проферу я не передавал, но здесь

ли за публикацию рассказа «Похороны Степани-

ды Ивановны» в Америке, в издательстве, пом-

предлагал его нескольким журналам.
О деле Солоухина больше может рассказать писатель Юрий Поляков, он им по заданию парт-

кома занимался. Я же был свидетелем выхода Солоухина в залу ресторана, где он, усевшись за трапезу, со-

общил соратникам:
Оставили в рядах.

COTODININ B PAR

Но стоит поведать и о другом персональном деле — о деле по провозу в нашу страну порнографической продукции членом КПСС Булатом Окулучарой. Тут всё было непросто

Окуджавой. Тут всё было непросто.
Известный бард, песни его поёт молодёжь, и не только. Ещё до обсуждения, пока Окуджава в коридоре ждал приглашения, секретарь парткома сокрушённо сообщил, что в райкоме уперлись и требуют для назидания прочих исключить

- Крови жаждут, - закончил сообщение секретарь, осмотрел нас тоскливым взглядом и просил секретаршу просить обсуждаемого войти в помещение парткома. Интересно, что это тогдашнее событие, а это

коммуниста за такую тяжкую провинность, что

на них доводы о знаменитости не действуют:

«Ну и что, что знаменит, тем более».

было событие, и очень громкое, теперь представляется мелочью: подумаешь - три-четыре кассеты да журналы с похабщиной, их теперь на каждом углу кучи. Даже и восхититься можно поэтом, как далеко вперёд смотрел, боролся за либеральные ценности, чтобы каждый мог удовлетворить свои запросы. Хотя, когда зачитали список перехваченной кино-, фото- и журнальной продукции, он был внушителен. Оглашать не

хотели, но пришлось. Представитель райкома,

не очень-то ласково нас иногда озирающий, ска-

зал, что полагается. Потом дали слово Окуджа-

ве. Особенно его возмущало то, что вещи шмо-

нали и протокол писали те же таможенники, которые выпускали из Союза. До этого неделю назад автографы просили. То есть какие неблагодарные оказались. Старейший член парткома боевой лётчик

– Мы вас так любим! Но зачем же это вам, а? Не себе вёз, просили.

- Кто? сурово вопросил представитель.
- Так, молодёжь, знакомые.

Марк Галлай сокрушался и всё повторял:

- Началось обсуждение. Выступления были однотипны: «Да, нехорошо (следующий: «Очень

нехорошо!»), у нас не загнивающий капитализм,

но проступившийся - наш товарищ, фронтовик,

поэт-песенник, с ним такое впервые, больше не

повторится, мы в этом уверены, мы не можем потерять своего соратника», и всё такое соответственное. Вообще, у меня к поэту была и своя претен-

зия. В одном из романов он написал такую фразу: «Плоское лицо тупого вятича». Именно вятичем я и являлся, а со мною и все миллионы наследников этого древнерусского племени. Я возмущался, но среди своих, а тут мне его было жалко, хотелось поскорее закончить это мучительное для всех заседание. Вот сейчас пишу, и стало вдруг совсем неинтересно. Зачем? Тем более теперь,

Окуджаве помогло как раз обсуждение Солоухина. Как известно, Солоухину закатили строгий выговор с занесением в учётную карточку.

когда всё так давно было. Бог ему судья.

всё-таки ограничились тоже строгачом, тоже с занесением. – Эх вы, – смеялся потом Солоухин, – что ж вы меня не исключили? Дали бы мне Нобеля. ЧУДО КАК НОРМА Кто впервые идёт на крестный ход, обязательно поражается тому, как на чистом небе, даже и не после дождя, возникает и сияет огнецветье радуги. А кто постоянно ходит, этому не удивляется. Чудо? Да, чудо. Но это же крестный ход. Господь видит наши труды, наши молитвы слышит, посылает утешение.

Но не исключили же. И этот довод убедил, ка-

жется, представителя райкома, когда мы оговаривали степень взыскания. Уже без Окуджавы.

Его просили выйти в коридор, и он там сидел, ожидая решения. Члены парткома были далеко

не дети, понимали, что публикация смелого,

честного рассказа о похоронах матери, когда

сельский священник чуть ли не тайком отпевает

великую труженицу, православную женщину, и

провоз порнографии - две большие разницы,

ют животворные капли дождя, хотя никакого дождя не ожидалось и туч не было. То есть всё просто напрямую говорит нам о

А бесчисленное количество раз бывало и

И всегда явное чудо бывает, например, при

бывает, когда в пасмурный день берёшься читать Послания или Евангелие или становишься

на акафист – и вдруг освещается пространство

освящении храма, креста, при закладке церкви.

Вдруг, в добавление к окроплению, с неба пада-

Какое же это чудо, так оно и есть: под Богом и перед Богом ходим. И нечему тут удивляться.

Божием присутствии в мире, в нашей жизни,

УПРЯМЫЙ СТАРИК

На севере вятской земли был случай, о кото-

в жизни каждого из нас.

комнаты светлыми лучами.

ром, может быть, и поздно, но хочется рассказать. Когда началась так называемая кампания по сносу деревень, в деревне жил хозяин. Он жил

ды объявили ему, что его деревня попала в число

бобылём. Похоронив жену, больше не женился, тайком от всех ходил на кладбище, сидел подолгу у могилки жены, клал на холмик полевые и лес-

ные цветы. Дети у них были хорошие, работящие, жили своими домами, жили крепко (сейчас, конечно, все разорены), старика навещали. Однажнеперспективных, что ему дают квартиру на центральной усадьбе, а деревню эту снесут, расширят пахотные земли. Что такой процесс идёт по всей России. «Подумай, - говорили сыновья, нельзя же к каждой деревне вести дорогу, тянуть свет, подумай по-государственному». Сыновья были молоды, их легко было обмануть. Старик же сердцем понимал: идёт нашествие на Россию. Теперь мы знаем, что так было. Это было сознательное убийство русской нации, опустошение, а вслед за этим одичание земель. Какое там расширение пахотной площади! Болтовня! Гнать трактора с центральной усадьбы за десять-пятнадцать километров – это разумно? А выпасы? Ведь около центральной усадьбы всё будет вытоптано за одно лето. И главное – личные хозяйства. Ведь они уже будут – и стали – не при домах, а поодаль. Придёшь с работы измученный, и надо ещё тащиться на участок, полоть и поливать. А покосы? А живность? Ничего не сказал старик. Оставшись один, вышел во двор. Почти всё, что было во дворе, хлевах, сарае, всё должно было погибнуть. Ста-

чет от дыма. Заплаканным и перемазанным сажей он пошёл на кладбище. Назавтра он объявил сыновьям, что никуда не поедет. Они говорили: «Ты хоть съезди, посмотри квартиру. Ведь отопление, ведь электричество,

рик глядел на инструменты и чувствовал, что предаёт их. Он затопил баню, старая треснутая

печь дымила, ело глаза, и старик думал, что пла-

ведь водопровод!» Старик отказался наотрез. Так он и зимовал. Соседи все перебрались. Старые дома разобрали на дрова, новые раска-

тали и увезли. Проблемы с дровами у старика не было, керосина ему сыновья достали, а что касается электричества и телевизора, то старик легко обходился без них. Изо всей скотины у него остались три курочки и петух, да ещё кот, да

ещё пёсик, который жил в сенях. Даже в морозы старик был непреклонен и не пускал его в избу. вышел окончательный Сверху давили: облегчить жизнь жителям неперспективных деревень, расширить пахотные угодья. Коснулось и старика. Уже не только сыновья, но и начальство приезжало его уговаривать. Кой-какие остатки сараев, бань, изгородь сожгли. Старик жил как на пепелище, как среди

И ещё раз приехал начальник: «Ты сознательный человек, подумай. Ты тормозишь прогресс. Твоей деревни уже нет ни на каких картах.

выжженной фронтовой земли.

то решать с отцом. Они приехали на тракторе с прицепом, стали молча выносить и грузить вещи старика: постель, посуду, настенное зеркало. Старик молчал. Они подошли к нему и объявили, что, если он не поедет, его увезут насильно. Он не поверил, стал вырываться. Про себя он решил, что будет жить в лесу, выкопает землянку. Сыновья связали отца: «Прости, отец» – посадили в тракторную тележку и повезли. Старик мотал головой и скрипел зубами. Пёсик бежал за

Политика такая, чтоб Нечерноземье поднять.

Скажу тебе больше: даже приказано распахи-

вать кладбища, если со дня последнего захоро-

больше всего. Он представил, как по его Анаста-

сии идёт трактор, как хрустит и вжимается в зем-

Вот это - о кладбищах - поразило старика

Но сыновьям, видно, крепко приказали что-

нения прошло пятнадцать лет».

лю крест, – нет, это было невыносимо.

МОЛИТВА МАТЕРИ Материнская молитва со дна моря достанет –

эту пословицу, конечно, знают все. Но многие ли

Больше старик не сказал никому ни слова.

трактором, а кот на полдороге вырвался из рук одного из сыновей и убежал обратно в деревню.

словца, а совершенно истинно, за многие века подтверждена бесчисленными примерами. Отец Павел, монах, рассказал мне случай, происшедший с ним недавно. Он рассказал его, как будто всё так и должно было быть. Меня же

верят, что пословица эта сказана не для красного

этот случай поразил, и я его перескажу, думаю, что он удивителен не только для меня.

На улице к отцу Павлу подошла женщина и попросила его сходить к её сыну. Исповедать. Назвала адрес.

 А я очень торопился, – сказал отец Павел, – и тот день не успел. Да, признаться, и адрес забыл. А ещё через день рано утром она мне снова встретилась, очень взволнованная, и настоятельно просила, прямо умоляла пойти к сыну. Почему-то я даже не спросил, почему она со мной не шла. Я поднялся по лестнице, позвонил. Открыл мужчина. Очень неопрятный, молодой, видно сразу, что сильно пьющий. Смотрел на меня дерзко, я был в облачении. Я поздоро-

вался, говорю: «Ваша мама просила меня к вам

зайти». Он вскинулся: «Ладно врать, у меня мать

пять лет как умерла!». А на стене её фотография

среди других. Я показываю на фото, говорю: «Вот именно эта женщина просила вас наве-

света за мной пришли?» – «Нет, – говорю, – пока с этого. А вот то, что я тебе скажу, ты выполни: завтра с утра приходи в храм». - «А если не приду?» – «Придёшь: мать просит. Это грех – родительские слова не исполнять». И он пришёл. И на исповеди его прямо тряс-

стить». Он с таким вызовом: «Значит, вы с того

ло от рыданий, говорил, что он мать выгнал из дому. Она жила по чужим людям и вскоре умерла. Он даже и узнал-то потом, даже не хоронил.

 А вечером я в последний раз встретил его мать. Она была очень радостная. Платок на ней был белый, а до этого тёмный. Очень благодарила и сказала, что сын её прощен, так как раскаялся и исповедался, и что она уже с ним виделась. Тут я уже сам с утра пошёл по его адресу. Соседи сказали, что вчера он умер, увезли в морг.

Вот такой рассказ отца Павла. Я же, грешный, думаю: значит, матери было дано видеть своего сына с того места, где она была после своей земной кончины, значит, ей было дано знать время смерти сына. Значит, и там её молитвы были так горячи, что ей было дано воплотиться и попросить священника исповедать и причастить несчастного раба Божия. Ведь это же так страшно – умереть без покаяния, без причастия. И главное: значит, она любила его, любила

своего сына, даже такого, пьяного, изгнавшего родную мать. Значит, она не сердилась, жалела и, уже зная больше всех нас об участи грешников, сделала всё, чтобы участь эта миновала сына. Она достала его со дна греховного. Именно она, и только она силой своей любви и молитвы.

ПЕТУШИНЫЕ КРИКИ

Все люди, все до единого, те, кто вышел из сельской местности, а теперь живущие в городах, вспоминают детство. Оно им снится, о нём они любят говорить. Рыбалка, река, сенокос, лыжи зимой, санки. Сияние полной луны над серебряным снежным покровом. Запах дыма от русских печей. Что говорить... Один большой начальник особенно тосковал

по петушиному пению. Дети его просили купить им попугая. Он купил. Попугай оказался очень способным к обучению. Когда начальник поехал в отпуск навестить старуху-мать, то взял с собой клетку с попугаем. В деревне он поместил попугая в курятник и попугай в два дня выучился кукарекать.

И теперь он живёт в Москве и кукарекает. Вначале мешал спать, ибо по примеру сельских

своих учителей кричал на заре, и его клетку стали накрывать. Тогда он приспособился кричать днём и вечером. Так и живёт. Кому-то напоминает деревню, а кому-то евангельского петуха алектора, который дважды успел прокричать в то время, в которое апостол Пётр трижды отрёкся от Христа.

Конечно, наш попугай, играющий роль петуха, будет кукарекать долго и обязательно переживёт своих учителей, ибо им до старости дожить не суждено. ГРЕЧИХА

Вот одно из лучших воспоминаний о жизни.

Я стою в кузове бортовой машины, уклоняюсь от мокрых еловых веток. Машина воет, истёртые покрышки, как босые ноги, скользят по глине. И вдруг машина вырывается на огромное зо-

лотое с белым поле гречихи. И запах, который никогда не вызвать памятью обоняния, тёплый запах мёда, даже горячий от резкости удара в лицо, охватывает меня. Огромное поле белой ткани, и поперёк про-

дёрнута коричневая нитка дороги, пропадающая в следующем тёмном лесу. РЕКА ЛОБАНЬ

Но до чего же красива река Лобань! Просто как девочка-подросток, играет и поёт на перекатах. А то шлёпает босиком по зелени травы, по желтизне песка, то по серебру лопухов мать-имачехи, а то прячется среди тёмных елей. Или притворится испуганной и жмётся к высокому обрыву. Но вот перестаёт играть и заботливо по-

Давно сел и сижу на берегу, на брёвнышке.

Тихо сижу, греюсь предвечерним теплом. Наверное, и птицы, и рыбы думают обо мне, что это какая-то коряга, а коряги они не боятся. Старые деревья, упавшие в реку, мешают ей течь плавно, зато в их ветвях такое музыкальное журчание, такой тихий плавный звон, что прямо чуть не засыпаю. Слышу – к звону воды добавляется звоночек, звяканье колокольчика. А это, оказывается, подошла сзади корова и щиплет траву.

ит корни могучего соснового бора.

Корова входит в воду и долго пьёт. Потом поднимает голову и стоит неподвижно, смотрит на тот берег. Колокольчик её умолкает. Конечно, он надоел ей за день, ей лучше послушать говор реки.

Из леса с того берега выходит к воде лосиха. Я замираю от счастья. Лосиха смотрит по сторонам, смотрит на наш берег, оглядывается. И к ней лезет к маминому молочку, но лосиха отталкивает его. Лосёнок забегает с другого бока. Лосиха бедром и мордой подталкивает его к воде. Она после маминого молочка не очень ему нравится, он фыркает. Всё-таки он немного пьёт и замечает корову. А корову, видно, кусает слепень, она встряхивает головой, колокольчик на шее брякает, лосёнок пугается. А лосиха спокойно вытаскивает завязшие в иле ноги и уходит в кусты.

выбегает лосёнок. Я перестаю дышать. Лосёнок

Начинается закат. Такая облитая светом чистая зелень, такое режущее глаза сверкание воды, такой тихий холодеющий ветерок.

Ну и где же такая река Лобань? А вот возьму и не скажу. Она не выдумана, она есть. Я в ней купался. Я жил на её берегах. Ладно, для тех, кто не сделает ей ничего плохого, скажу. Только путь к Лобани очень длин-

ный, и надо много сапогов сносить, пока дой-

дёшь. Хотя можно и босиком.

Надо идти вверх и вверх по Волге – матери русских рек, потом будут её дочки: сильная суровая Кама и ласковая Вятка, а в Вятку впадает похожая на Иордан река Кильмезь, а уже в Киль-

мезь вливается Лобань. Вы поднимаетесь по ней, идёте по золотым пескам, по серебристым лопухам мать-и-мачехи,

через сосновые боры, через хвойные леса, вы слышите ветер в листьях берёз и осин и вот выходите к тому брёвнышку, на котором я сидел, и садитесь на него. Вот и всё. Идти больше никуда не надо и незачем. Надо сидеть и ждать. И с той, близкой, стороны выйдет к воде лосиха с лосятами. А на этом берегу будет пастись корова с колокольчиком на шее.

И редкие птицы будут лететь по середине Лобани и будут забывать о своих делах, засмотревшись в её зеркало. Ревнивые рыбы будут тревожить водную гладь, подпрыгивать, завидовать птицам и шлепаться обратно в чистую воду. Все боли, все обиды и скорби, все мысли о

плохом исчезнут навсегда в такие минуты. Толь-

ко воздух и небо, только облака и солнышко,

только вода в берегах, только родина во все стороны света, только счастье, что она такая красивая, спокойная, добрая.

И вот такая течёт по ней река Лобань.

ПАДАЕТ ЗВЕЗДА

Если успеть загадать желание, пока она не погасла, то желание исполнится. Есть такая примета.

Я запрокидывал голову и до слёз, не мигая, глядел с земли на небо.

Одно желание было у меня, для исполнения которого были нужны звёзды, - чтоб меня любили. Над всем остальным я считал себя властным. Когда вспыхивал сразу гаснущий изогнутый

Когда упадёт моя звезда, то дай бог какомунибудь мальчишке, стоящему далеко-далеко внизу, на земле, проговорить заветное желание.

А моя звезда постарается погаснуть не так быстро, как те, на которые загадывал я.

ГДЕ-ТО ДАЛЕКО Много времени в детстве моём прошло на

след звезды, он возникал так сразу, что заучен-

ное наизусть желание «Хочу, чтоб меня люби-

ла...» отскакивало. Я успевал сказать только, не голосом – сердцем: «Люблю, люблю, люблю!».

полатях. Там я спал и однажды – жуткий случай – заблудился. Полати были слева от входа, длинные, из

тёмно-скипидарных досок. Мне понадобилось выйти. Я проснулся – те-

мень тёмная. Пополз, пятясь, но упёрся в загородку. Пополз вбок – стена, в другой бок – ре-

шётка. Вперёд – стена. Разогнулся и ударился

головой о потолок. Слёзы покапали на бедную подстилку из чистых половиков. Тогда ещё не было понимания, что если ты

жив, то это ещё не конец, и ко мне пришёл ужас конца.

Всё уходит, всё уходит, но где-то далеко-да-

леко в деревянном доме с окнами в снегу в душном тепле узких, по форме гроба, полатей в не-

проглядной ночи ползает на коленках мальчик, который думает, что умер, и который проживёт ещё долго-долго.

ЛОДКА НАДЕЖДЫ

У рыбацких лодок нежные имена: «Лена», «Светлана», «Ольга», «Вера»... Я шёл с рыбаками на вечерний вымет сетей на баркасе «Надежда» и пошутил, что с лодкой надежды ничего не может случиться.

Сплюнь! – велел старший рыбак.

Солнце протянуло к нам красную дорогу, и на конце этой дороги волны нянчили наш баркас.

Пришли на место. Выметали сети. Отгребли, запустили мотор.

Рыбак, тяжело ступая бахилами, подошёл и

сел. Помолчал.

Прожектор заката вёл нас на своём острие.

ки, сами рыбкам на корм пойдём. От лодки разлетались белые усы брызг, как будто лодка отфыркивалась в обе стороны. А ты ничего, – одобрил он. – Выбирать пойдёшь?

дежде» нас мотало, думали: хватит, поели рыб-

- Надежда! - сказал рыбак. - На этой «На-

- Пойду.

И вот хоть верь, хоть не верь, своей дурацкой шуткой я накликал беду. Когда на следующий день мы выбирали сети, налетел шторм. Лодку швыряло, как котёнка. Ветер ревел так, что уничтожал крик у самых губ. Вернув рыбу морю и отдав пучине сети, мы

всё-таки выгребли. Когда, обессиленные, мы лежали на песке, и волны, всхрапывая от злости, расшатывали причал, он крикнул: Как?! Я показал ладони.

Я согласился, но всё равно сказал, что имя у лодки хорошее. Он засмеялся. – Жена моя Надя. Каприз её был. Назови, говорит, лодку, как меня, тогда выйду.

Хорошая? – Лодка? Сам видел. Жена!

 Об чём речь. Сейчас с ума сходит. Он стащил сапоги, вылил воду и хитро по-

- Заживёт!

смотрел на меня: Хочешь, надежду покажу?

Я подумал, что в посёлке он покажет свою жену Надежду.

Вот! Он показал мне свои громадные ладони, ве-

личиной в три моих. МУСЬКА

Муська – это кошка. Она жила у соседей це-

лых восемнадцать лет. И все восемнадцать лет притаскивала котят. И всегда этих котят соседи топили. Но Муську не выбрасывали: хорошо ловила мышей.

Муська после потери котят несколько дней жалобно мяукала, заглядывала людям в глаза, потом стихала, а вскоре хозяйка или хозяин обнаруживали, что она вновь ждёт котят, и ругали её. Чтобы хоть как-то сохранить детей, Муська однажды окотилась в сарае, дырявом и забро-

шенном. Котята уже открыли глазки и взирали на

окружающий их мусор, а ночью таращились на

кие годы. Именно этот котёнок и стал потом кошкой Муськой. ПЕРВОЕ СЛОВО 10 В доме одного батюшки появился и рос общий любимец, внук Илюша. Крепкий, весёлый, рано начал ходить, зубки прорезались вовремя,

звёзды. Была поздняя осень. Пошёл первый

снег. Муська испугалась, что котята замёрзнут, и

по одному перетаскала их в дом. Там спрятала

под плиту в кухне. Но они же, глупые, выползли.

И их утопили уже прозревшими. С горя Муська

даже ушла из дому и где-то долго пропадала. Но

место. Муська чувствовала их решение и всяче-

ски старалась сохранить и дом, и хозяев. Навер-

ное, она думала, что они уезжают из-за мышей.

И она особенно сильно стала на них охотиться.

Приносила мышей и подкладывала хозяевам на

рядом с огромной, тоже мёртвой крысой. Обе

были в крови. Крысу выкинули воронам, а Мусь-

ку похоронили. Завернули в старое, ещё крепкое

взять с собой, что выкинуть, и напала на старые

фотографии. Именно в этом платье, с котёнком

на коленях она была сфотографирована в далё-

Утром Муську увидели мёртвой. Она лежала

Хозяйка перебирала вещи, сортировала, что

постель, чтоб видели. Её за это били.

платье хозяйки и закопали.

Хозяева надумали продавать дом. Муську решили оставить в доме: стара, куда её на новое

всё же вернулась.

спал хорошо – золотой ребёнок. Одно было тревожно: уже полтора года – и ничего не говорил. Даже к врачу носили: может, дефект какой в голосовых связках? Нет, всё в порядке. В развитии отстаёт? Нет, и тут нельзя было тревожиться:

всех узнавал, день и ночь различал, горячее с холодным не путал, игрушки складывал в ящи-

чек. Особенно радовался огонёчку лампады.

Всё, бывало, чем бы ни занимался, а на лампадку посмотрит и пальчиком покажет. Но молчал. Упадёт, ушибётся, другой бы заплакал – Илюша молчит. Или принесут какую новую игрушку, другой бы засмеялся, радовался –

Илюша и тут молчит, хотя видно – рад. Однажды к матушке пришла её давняя институтская подруга, женщина шумная, решительная. Села напротив матушки и за полчаса всех бывших знакомых подруг и друзей обсуди-

ла так, как надо.

ла-пересудила. Все, по её мнению, жили не так,

жили неправильно. Только она, получалось, жи-

тётю. Поглядывал и на лампаду, будто советовался с нею. И вдруг – в семье батюшки это навсегда запомнили – поднял руку, привлёк к себе внимание, показал пальчиком на тётю и громко сказал: «Кайся, кайся, кайся!».

Илюша играл на полу и поглядывал на эту

– Да, – говорил потом батюшка, – не смог

больше Илюша молчать, понял, что надо спасать заблудшую душу. Потом думали, раз заговорил, то будет много говорить. Нет, Илюша растёт молчаливым.

Хотя очень общительный, приветливый. У него незабываемый взгляд: он глядит и будто спрашивает - не тебя, а то, что есть в тебе и тебе

даже самому неведомо. О чём спрашивает?

«ЭТО ЖЕ ГОНКИ»

Как отвечать?

Внуки сидят за компьютером. Внук весь в игре. Трах! Бах! Бах! Уничтожен!

- Кого это ты уничтожаешь?
- Соперников. Гляди! Вот мой автомобиль
- зелёный, вот этот, видишь, красный, надо догнать! Я его догоняю, обгоняю, я его левым бортом... Трах! На экране красная машина вылетает за бор-

надпись: «Уничтожен» и сумма очков. Но это же ужасно, ты убил человека.

тик, кувыркается, летит под откос. На экране

– Дедушка, – говорит внучка, – это же гонки, тут же надо побеждать.

– А если бы это было в жизни?

Но гонки же!

Им некогда со мной разговаривать: новая машина впереди, за поворотом. Надо догнать, надо уничтожить. Гонки же.

Нет, они меня не понимают. И не поймут. Я

уже и сам ничего в этом не понимаю. И не хочу понимать.

ЛИСТ КУВШИНКИ

Человек я совершенно неприхотливый, могу есть и разнообразную китайскую или там грузинскую, японскую, арабскую пищу, или сытную русскую, а могу и вовсе на одной картошке сидеть, но вот вдруг с годами стал замечать, что мне очень небезразлично, из какого я стакана пью, какой вилкой ем. Не люблю пластмассовую посуду дальних перелётов, но успокаиваю себя тем, что это, по крайней мере, гигиенично.

лишь бы насытиться. И уж тебе ли, это я себе, видевшему крайние степени голода, думать о форме, в которой питьё или пища? Не знаю, зачем зациклился вдруг на посуде. Красив фарфор, прекрасен хрусталь, сдержанно серебро, высокомерно золото, но, завали меня всем этим с головой, всё равно победит то лето,

Возраст это, думаю я, или изыск интелли-

И это «из чего-то» явилось. Я оглянулся – за-

гентский? Не всё ли равно, из чего насыщаться,

когда я любил библиотекаршу Валю, близорукую умную детдомовку, и тот день, когда мы шли вверх на нашей реке и хотели пить. А родники – вот они, под ногами. Я-то что, я хлопнулся на грудь, приник к ледяной влаге, потом зачерпывал её ладошкой и предлагал возлюбленной. «Нет, – сказала Валя, – я так не могу. Мне надо из чего-то».

водь, в которой цвели кувшинки, была под нами. Прыгнул под обрыв, прямо в ботиках и брюках брякнулся в воду, сорвал крупный лист кувшинки, вышел на берег, омыл лист в роднике, свернул его воронкой, подставил под струю, напол-

нил и преподнёс любимой. Она напилась. И мы поцеловались. Так что же такое посуда для питья и еды? Ой

не знаю. Не мучайте меня. Жизнь моя прошла, но не прошёл тот день. Родники и лист кувшинки. И мы под небом.

ПОДКОВА

Кузня, как называли кузницу, была настолько заманчивым местом, что по дороге на реку мы всегда застревали у неё. Теснились у порога, глядя, как голый по пояс молотобоец изворачивается всем телом, очерчивает молотом дугу под самой крышей и ахает по наковальне.

Кузнец, худой мужик в холщовом фартуке, был незаметен, пока не приводили ковать лошадей. Старые лошади заходили в станок сами. Кузнец брал лошадь за щётку, отрывал тонкую блестящую подкову, отбрасывал её в груду других, отработавших, чистил копыто, клал его себе на колено и прибивал новую подкову, толстую. Казалось, что лошади очень больно, но лошадь вела себя смирно, только вздрагивала.

Раз привели некованого горячего жеребца. Жеребец ударил кузнеца в грудь (но удачно – кузнец отскочил), выломал передний запор здоровую жердь – и ускакал, звеня плохо прибитой подковой.

Пока его ловили, кузнец долго делал самокрутку. Сделал, достал щипцами из горна уголёк, прикурил.

– Дурак молодой, – сказал он, – от добра рвётся, пользы не понимает, куда он некованый? Людям на обувь подковки ставят, не то что. Верно? – весело спросил он.

Мы вздохнули. Кузнец сказал, что можно взять по подкове.

Мы взяли, и он погнал нас, потому что увидел, что ведут пойманного жеребца. Мы отошли и смотрели издали, а на следующий день снова вернулись.

– Ещё счастья захотели? – спросил кузнец.

Но мы пришли просто посмотреть. Мы так и сказали.

– Смотрите. За погляд денег не берут. Только чего без дела стоять. Давайте мехи качать.

Стукаясь лбами, мы уцепились за верёвку, потянули вниз. Горн осветился.

Это было счастье — увидеть, почувствовать и запомнить, как хрипло дышит порванный мех, как полоса железа равняется цветом с раскалёнными углями, как отлетает под ударами хрупкая окалина, как выгибает шею загнанный в станок конь, и знать, что все лошади в округе — рабочие и выездные — подкованы нашим знакомым кузнецом, мы его помощники, и он уже разрешает нам браться за молот.

